

Ностальгические реминисценции в «Парадоксах жизни» Дон-Аминадо

© Н.В. МАДИГОЖИНА,
кандидат филологических наук

Статья знакомит читателей со сборником «Парадоксы жизни» Дон-Аминадо, русского писателя-эмигранта, который мечтал о возвращении в «классическую» Россию и своим ностальгическим размышлениям придавал сатирическую форму с помощью реминисценций. Автор заметок старается показать, зачем та или иная «чужая» стихотворная строчка понадобилась поэту и как она создает комический эффект.

Ключевые слова: реминисценции, ирония, ностальгия, эмиграция.

This article represents to readers Russian emigrant writer Don Aminado's book of poems «Life's Paradoxes» and tries to understand particular qualities of his reminiscences and irony.

Key words: reminiscences, irony, nostalgia, emigration.

В первой половине XX века эмигрант из России Аминад Петрович Шполянский (1888–1957), поэт-сатирик, мемуарист, адвокат, печатавшийся под псевдонимом Дон-Аминадо, считался в Париже одним из лучших русских поэтов. Благодаря Дон-Аминадо, — замечал Д. Святополк-Мирский, — мы можем сказать про Париж: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Своеобразие стиля Дон-Аминадо, значение его творчества высоко оценивали его современники. «Одним из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение» назвал Дон-Аминадо близко знавший его И.А. Бунин [1]. М. Горький отмечал, что «Дон-Аминадо является одним из наиболее даровитых уцелевших в эмиграции поэтов», в стихах которого «отражаются настроения безысходного отчаяния гибнущих остатков российской белоэмигрантской буржуазии и дворянства» [2].

Одним из способов преодоления постоянной тоски по Родине был для него диалог с русскими классиками, использование реминисценций едва ли не в каждом лирическом тексте.

Дон-Аминадо прибегал к различным приемам стилизации, он, например, известен как автор многочисленных стихотворных пародий.

Здесь мы не будем обращаться к альбомам пародий этого автора, где обыгрывание оригинала — главная цель, но проанализируем произведения из сборника «Парадоксы жизни», где собраны ностальгические «признания» Дон-Аминадо. Постараемся понять, зачем та или иная «чужая» стихотворная строка понадобилась поэту, создает ли цитата комический эффект или писателю необходимо, чтобы читатель вспомнил классический текст и осознал, как автор его «обыгрывает».

Речь пойдет не о «скрытых» реминисценциях, которых у Дон-Аминадо тоже много, но о точных цитатах из классических текстов.

В сборнике «Парадоксы жизни» Дон-Аминадо чаще всего дает в кавычках одну строчку из классического, всеми узнаваемого, произведения, причем, как правило, реминисценция располагается в самом начале текста.

Так, «Труженики моря» начинаются стихом: «Уж небо осенью дышало...». Мы все помним хрестоматийные строки из «Евгения Онегина»: «Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало, / Короче становился день...». Картины даже поздней осени, любимого времени года Пушкина, проникнуты в целом светлым и гармоничным настроением. А у Дон-Аминадо уже во второй строке настроение резко ломается:

Уж небо осенью дышало,
Уже украли покрывало..
С террасы казино,
И ветер, в злости беспечальной,
На крыше флаг национальный
Уже сорвал давно.

Дальше следуют зарисовки нищенского эмигрантского быта, потом сны уносят лирического героя в любимую Россию:

И море снилось, но другое,
Далекое и голубое,
И милый Коктебель.
Курьерский поезд петербургский,
Горячий борщ, конечно, в Курске,
И северная ель [3. С. 26].

Пушкинская строка становится толчком для сопоставления двух стран, двух стилей жизни — и душой Дон-Аминадо оказывается в далекой России. И просыпается в отчаянии, слыша французскую речь.

Иронизируя над французами, впадающими в панику при четырех градусах мороза в стихотворении «Парижская зима», Дон-Аминадо с удовольствием останавливает взгляд на своих земляках, «русских шоферах», которые еще напоминают прежних россиян, умеющих радоваться белолицой и холодной зиме:

И только русские шоферы,
Землячеств разных земляки...
Плюют на жизнь, на мостовую,
Твердя мечтательно чуть-чуть:
«Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...» [С. 119].

Как видим, Дон-Аминадо опять воспользовался строчками из «Евгения Онегина», живописующими картинку русской зимы, только реминисценция появляется не в начале, а в конце стихотворения.

«Месяц у моря» опять возвращает нас к Пушкину, так как начинается строкой из известного романтического стихотворения «Черная шаль»:

«Когда легковерен и молод я был»,
Я тоже открытое море любил [С. 155].

Хотя в «Черной шали» говорится о страсти героя к «младой гречанке», но читателю вспоминаются и пушкинские стихи о любви к морю, и его философские раздумья, которые навевают свободные волны. О том же, только иронизируя над собственной жизнью, размышляет и герой Дон-Аминадо:

И взор мой скользит по небыстрым волнам
К суровым и милым душе берегам,
Чтоб в мудрой тиши охлажденных сердец
Покорно приять сухопутный конец [С. 156].

Стихотворение Дон-Аминадо, начинающееся с известного стиха Лермонтова: «Печально я гляжу на наше поколенье...», посвящено не столько «поколенью», сколько среде эмигрантов, в которой все меньше чувствуется духовное начало:

«Печально я гляжу на наше поколенье...»
Ни роскоши, ни даже старины!
В глазу ячмень. Во взгляде утомленье,
В кармане свист. И дудкою штаны [С. 163].

Бывшие русские интеллигенты в борьбе за свой убогий парижский быт постепенно забывают свое русское прошлое и лишь иногда рыдают, услышав знакомый романс.

Одно из стихотворений Дон-Аминадо без названия открывается строкой из «Несжатой полосы» Некрасова. Мы помним, что произведение это мрачное, посвящено тяжелой жизни русского крестьянства: «Поздняя осень. Грачи улетели, / Лес обнажился, поля опустели». У Дон-Аминадо речь идет об эмигрантском быте, пусть и не столь голодном, но тоже абсолютно безысходном. Стихотворение построено скорее на сатирическом сопоставлении, чем на противопоставлении реминисценции и основного текста:

« Поздняя осень... грачи улетели...»
 Лица угрюмы... сердца опустели...
 В смысле наличности тоже мираж.
 В общем, довольно привычный пейзаж.
 Нет горизонтов. Ни точек. Ни далей.
 Все говорят про цианистый калий.
 Все говорят, что над бездной висят.
 Попросят до вторника хоть пятьдесят [С. 142–143].

В середине появляется еще одна строчка из концовки «Несжатой по-лосы», подводящая итог отчаянным попыткам эмигрантов вырваться из душевной пустоты и материального неблагополучия:

Морда, как список тяжелых контузий...
 Жизнь состоит из упорных иллюзий...
 Вырвешься, кинешься... смотришь! стена.
 «Грустную думу наводит она».

За этой «сильной» строкой следуют еще два четверостишия, повествующие об эмигрантской жизни, каждая строчка в которых заканчивается многоточием, так как стенания эмигрантов бесконечны: «Ливни холодные... Ветер с пустыни...».

Стихотворение «На путь добра...» включает память сразу о двух русских поэтах: Пушкине и Некрасове. Первая строфа звучит так:

Вы говорите: жизнь сурова,

Как вечный стан жестоких битв.
 Ни окрыляющего слова.
 «Ни звуков сладких, ни молитв» [С. 139].

«Закавыченная строчка» не начинается, как обычно, а замыкает строфу, она взята из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» в слегка трансформированном виде:

Не для житейского волнения,
 Не для корысти, не для битв,
 Мы рождены для вдохновения,
 Для звуков сладких и молитв.

Эти строки Пушкина, мы помним, цитируются и в стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин».

Дальнейшие сатирические обличения в стихотворении Дон-Аминадо, призыв прибиться уже к какому-нибудь «стану», да и само название «На путь добра...» напоминают сначала стиль Некрасова, а затем приобретают откровенно насмешливую интонацию, то есть автор иронизирует уже и над собственными «обличениями»:

На путь добра вступив фатальный,
 Свинью встречая стороной,
 Простите ей тот факт печальный,
 Что родилась она свиной... [С. 139].

Цитируя Фета, Дон-Аминадо не удерживается и от имитации «формы» самого известного стихотворения этого автора, чем приближает свой текст к пародии:

Шум... Движение... Картины
Праздничных огней
Елки. Палки, Хворостины
Незабвенных дней [С. 171].

Строка из этого произведения тоже «закавычена», но поскольку читатель с первых строк уже «узнал Фета», то — вопреки своему обычаю — поэт дает реминисценцию не в начале, а ближе к концу текста. Это стихотворение Дон-Аминадо о новогоднем празднике русских эмигрантов, а процитирована строка из знаменитого весеннего произведения Фета, чем, видимо, подчеркнут контраст между весной и зимой, молодостью и старостью, радостью любви и усталостью пожилых друзей героя:

Вальс. Кружение. Порханье.
Сказка. Зимний сон.
«Шепот. Робкое дыханье»
Пожилых персон [С. 171].

Классические цитаты в большинстве своем Дон-Аминадо брал из произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета. Чаще всего цитата напоминает о сюжете и настроении «подлинника» и служит контрастом к жизни русской эмиграции в Париже XX века.

Хотя поэта Мятлева, прославившегося практически одним стихотворением (и то благодаря Тургеневу), сложно назвать «классиком», но в эпоху Серебряного века первая строчка из его произведения «Как хороши, как свежи были розы...» пользовалась огромной популярностью. Так, Игорь Северянин на закате дней неоднократно обыгрывал этот стих. В сборнике «Классические розы» помещено замечательное произведение самолюбивого гения, умирающего на чужбине. Оно написано в 1925 году и имеет то же название, что и весь сборник, чем подчеркивается первостепенное значение текста. Это стихотворение о несбывшихся надеждах, о потерянной России, о своей надломленной творческой судьбе.

Упомянутая строка Мятлева обыгрывается трижды в одном только стихотворении И. Северянина. В первой строке — воспоминания об ушедшей прекрасной молодости: «Как хороши, как свежи были розы / Моей любви, и славы, и весны...». Во второй строфе — скорбь о том, что вчерашней России уже нет и не будет, а такие, как он, вынуждены жить воспоминаниями: «Как хороши, как свежи ныне розы / Воспоминаний о минувшем дне!». И в последней строфе — горькое заключение: «Как хороши, как свежи будут розы / Моей страной мне брошенные в гроб!».

Эту цитату не мог обойти стороной и Дон-Аминадо, так как стих Мятлева как нельзя лучше подходил для выражения ностальгических настроений русских эмигрантов.

Напомним, что в центре произведения Мятлева — тема любви и красоты, скоротечности жизни. Высказывается отнюдь не новая мысль, что всё преходяще: и молодость, и женская красота, и любовь, названная этой красотой. Да и сама жизнь — всего одно мгновение. Да и прекрасна в жизни — только юность. Свежие розы ассоциируются, естественно, с молодостью и женской красотой. Стихотворение забытого поэта отчетливо делится на две части: вся первая часть — воспоминания: « как хороши, как свежи были розы...», « как я молил...», «как я берег, как я лелеял младость», «как ангел красоты», « как хорошо, как мило соплетались»... А во второй части — белый погост и «роз завянувший венок»: смерть уничтожает все, остаются лишь воспоминания.

Эта цитата обыгрывается в «Парадоксах жизни» Дон-Аминадо неоднократно, но не лирически, как в произведении И. Северянина, а сатирически. Строка появляется, например, в стихотворении на тему семейной ссоры. В начале муж произносит: «Как хороши, как свежи были розы...», глядя в окно и еще сам не понимая, к чему и почему он вспомнил этот стих. В финале супруга посещает гениальная мысль, и он делает вывод: «Как хороши, как свежи были жены... / Лет сто назад!» [С. 125].

Вскоре после революции покинув «новую Россию», лирический герой Дон-Аминадо так вспоминает свою недавнюю жизнь «на берегах Невы»: Как хороши, как свежи были розы / Еще вчера! / Какой сплошной поэзии и прозы / Была пора... / И как душой владели идеалы / Во всей красе. / И, вообще, какие либералы / Мы были все! [С. 192].

В другом стихотворении Дон-Аминадо так рисует свое поколение, оставшееся без Родины, склонное в самобичеванию и слезливости: «На склоне лет есть глупая привычка / Рыдать в жилет, Что, в общем, жизнь прошла, как пневматичка... / Была и нет! / Иль повторять, бессмысленно, сквозь слезы, / Раз сто подряд: “Как хороши, как свежи были розы...” / Лет сто назад!» [С. 181].

Идеальная Россия, конечно, не является поэту в образах советской страны 20-30-х годов, он восхищается дореволюционной Русью, где, как кажется ностальгирующим эмигрантам, все сезоны были хороши, а люди (преимущественно дворяне) молоды, здоровы и красивы. Дон-Аминадо иронизирует над этой упрощенной точкой зрения, но показывает, что он и сам подвержен подобным настроениям. Реминисценции из гражданской лирики Некрасова о безысходной крестьянской жизни, сопоставление моциона эмигрантов в Париже с умирающим от голода простым русским народом также носит сатирический характер. Конечно, это тяжело, когда «покупка зонтика пробила брешь в бюджете», но главная проблема эмигрантов все-таки не в нищенском быте, а в том, что «новые парижане» все больше отдаляются от реальной России, хотя ежедневно спорят о ее будущем и скоро «совершенно обалдеют от способов спасения Руси».

Литература

1. Современные записки. 1927. № 33. С. 523.
2. За рубежом. 1934. № 6. С. 10.
3. *Дон-Аминадо*. Парадоксы жизни. М., 1991. Далее указ. только стр.
4. *Игорь Северянин*. Классические розы (забытая книга). М., 1991. С. 29–30.

*Гимназия № 3 Дубна
Московской обл.*